

УДК 811.11-112

Ю. К. Кузьменко

Институт лингвистических исследований РАН

ЕЩЕ РАЗ О ВОЗМОЖНОСТИ СААМСКОГО ВЛИЯНИЯ НА СКАНДИНАВСКИЕ ЯЗЫКИ*

В статье приводятся дополнительные аргументы, свидетельствующие о возможности саамского влияния на скандинавские языки. Возможность распространения черт саамской интерференции в собственно скандинавские ареалы подтверждается не только данными древнескандинавской литературы об отсутствии стигматизации саамов, но и данными популяционной генетики, свидетельствующими о распространении у шведов и норвежцев характерных для саамов хромосомной гаплогруппы N1c и митохондриальных гаплогрупп U 5 и V. Изменения в структуре населения Скандинавии, вызванные двумя пандемиями чумы (юстинианской чумой в VI–VIII вв. и «черной смертью» в XIV–XV вв.), которые в гораздо меньшей степени затронули центральные и северные районы Скандинавского полуострова, также могли способствовать распространению черт саамской интерференции.

Ключевые слова: саамо-скандинавский контакт, история скандинавских языков, гаплогруппы саамов и скандинавов, пандемии чумы в Скандинавии.

Yury Kuzmenko

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

ON THE POSSIBILITY OF A SÁMI INFLUENCE ON THE SCANDINAVIAN LANGUAGES ONCE AGAIN

New arguments concerning Sámi influence on the Scandinavian languages have been offered. The possibility of the spreading of Sámi interference into the predominantly Scandinavian areas is confirmed not only by the Old Scandinavian sources in favor of the absence of Sámi stigmatization in the Scandinavian society, but also by the data of population genetics about the distribution of the “Sámish” Y-DNA-haplogroup N1c and mtDNA-haplogroups U5 and V among Swedes and Norwegians. Changes in the population structure due to two pest pandemics in the 6th–8th centuries (‘Justinian Pest’) and the 14th–15th centuries (‘Black Death’) in Scandinavia, which affected the central and northern parts of the Scandinavian peninsula to a much lesser extent, may have contributed to the spreading of Sámi interference, as well.

Keywords: Sámi-Scandinavian contact, history of the Scandinavian languages, haplogroups of the Sámi and Scandinavians, pest pandemics in Scandinavia.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00580.

В ряде работ я высказал предположение о том, что многие скандинавские инновации, отличающие скандинавские языки от других германских языков, могли быть предопределены финно-угорским и прежде всего саамским влиянием (см., напр.: [Kusmenko, 2007; 2008 (2010)]). Можно выделить две группы скандинавских инноваций, связанных с саамо-скандинавскими контактами. Одни инновации, имеющие общескандинавский характер, начали распространяться в VI–XI вв. К таким инновациям относятся отпадение общегерманских приставок (см., напр., др.-англ. прич. II *gefylled*, но др.-исл. *fyllt*), преаспирация (см. сев. саам. *dahkat* — исл. *drekka* /*drehka*/), которая сохраняется в шведском, норвежском, исландском и фарерском языках и которая стала кратковокалическим (западноютландским) толчком в датском (/dreʔg/ < /*driʰkka/), ассимиляция носового согласного (типа шв. *dricka* < **drinkan*, ср. сев. саам. *roggat* < **ranGe*), суффиксация местоимения *-inn*, превратившегося впоследствии в суффицированный артикль (см. др.-исл. *hann hefir brotit bein hit* > *hann hefir brotit beinit* ‘он сломал ногу (опр.)’ < саам. *son lea doadján juolggis* ‘он сломал свою ногу’), суффиксация возвратного местоимения в медиальном значении (см. др.-шв. *opna* ‘открывать’ — *opnas* < *opna sig* ‘открываться’, ср. сев. саам. *rahpat* — *rahpasit* ‘открывать — открываться’), ставшего впоследствии показателем пассива. Возможно, и некоторые другие инновации также связаны с саамской интерференцией, в частности древнескандинавские суффицированные отрицания *-at*, *-ki/-gi* или сегментация (*jj*, *ll*, *nn* > *dj*, *dl*, *dn*). Все эти инновации распространились в VI–XI вв. и захватили в разной степени всю Скандинавию, включая Исландию и Фарерские острова.

Другая группа инноваций характерна только для северо-восточного скандинавского ареала (северо-восточные шведские и норвежские диалекты). Эти инновации только частично затронули шведскую и обе норвежские литературные нормы. К таким инновациям относится появление сложных предлогов (ср. шв. предлоги *inåt* ‘внутри’, *inifrån* ‘изнутри’, *inom* ‘внутри’ и южносаам. послелого *sijste*, *sistie*, *sisnie*), удлинение согласного в исконных краткосложных словах (ср. др.-исл. /vika/ > /vi:ka/, но шв. *veck*, наиболее сильно в Трёнделаге, см. формы типа /vuk:u/ < /viku/, /våt:å/ < /vita/), баланс гласных (*kasta* — *ba'kå* < *kasta* — *baka* и полмаксаам. *rihtta* — *riḏā*) и качественное выравнивание гласных (метафония)

в краткосложных двусложных словах (см. особенно трэндские формы типа *vukku* < *viku*, *våttå* < *vita* и северошв. *firi* < *farit*, *lædu* < *ladu* и южносаамскую метафонию см. *bissij* — сев. саам. *bassii*, *kæsuk* сев. саам. *gassut* и т. п.) и отпадение *-t* в безударном слоге (/landə/, /lan: ə/ < *landet*, ср. сев. саам. *borrat* > *borra*). Возможно, к инновациям этого же типа относится и генерализация препозиции генитива в сочетании двух существительных, которая не затронула островные скандинавские языки (ср. подобную модель в финно-угорских языках). Эти инновации появились и распространились в северо-восточном скандинавском ареале в XIII–XV вв.

Предполагалось, что все эти скандинавские инновации появились вначале в скандинавском языке саамов и затем распространились в собственно северогерманский ареал [Kusmenko, 2008 (2010), s. 33]. И если теоретическая возможность интерференции такого типа в скандинавском языке саамов не могла вызвать возражений, то предположение о распространении их в собственно северогерманские диалекты могло показаться невероятным. Несмотря на то что в обширных рецензиях на мою книгу (см., напр.: [Schulte, 2009; Bull, 2010]) рецензенты скорее благосклонно отнеслись к моим идеям (см., особенно: [Bull, 2010]), во многих частных беседах мои скандинавские коллеги высказывали сомнение в их правомерности, причем возражения вызывали не конкретные лингвистические модели взаимодействия, а социолингвистические обстоятельства. Трудно было поверить, что интерферентные черты скандинавского языка саамов, небольшого народа, живущего на самом севере Скандинавии, который к тому же был подвержен стигматизации и, как считалось еще в начале XX в., всегда был только «объектом презрения»¹ со стороны скандинавов, могли распространиться в собственно скандинавские ареалы.

¹ Норвежский историк А. Хансен отказывался идентифицировать саамов с *finnar* древнеисландских и древненорвежских источников на том основании, что *finnar* описывались в сагах с уважением, в то время как саамы «так же как сегодня, были только объектом презрения норвежцев» [Hansen, 1907, s. 134]. А знаменитый шведский филолог Адольф Нурен отказывался видеть в древнеисландских и древненорвежских *finnar* саамов, поскольку имя *Finnr* и его производные были очень распространены среди скандинавов. Он недоумевал: «Непонятно, почему питающим отвращение и презрение саамам и финнам должна была быть оказана даже большая честь при имянаречении, чем данам и свеям» [Noreen, 1911, s. 151].

Предвидя такие возражения, я значительную часть своей книги посвятил доказательству того, что в общескандинавскую эпоху не только не было никакой стигматизации саамов, но они, прежде всего южные саамы, были важным элементом скандинавского общества и во многих областях, таких как колдовство и врачевание, стрельба из лука и зимняя охота, были несомненными авторитетами для скандинавов. Об отсутствии стигматизации саамов в эпоху викингов свидетельствует представление скандинавов еще в XIII в. (см. Снорри Стурлусон и Саксон Грамматик) о том, что скандинавские конунги могли иметь саамских жен. Об этом же свидетельствует и влияние саамской охотничьей и колдовской культуры на соответствующую скандинавскую традицию, и распространение собственного имени *Finnr* (букв. «саам») и производных от него (см., напр.: [Kusmenko, 2008 (2010), s. 316–399; 2009; 2010]). О принятии (*acceptance*) саамов в скандинавском обществе эпохи викингов пишет и Эльсе Мундал [Mundal, 1996; 2000; 2004; 2010]. В своей работе я опирался также на данные археологов, которые показали и то, что южная граница расселения саамов около 1000 г. проходила гораздо южнее южной границы современного расселения южных саамов (см., напр.: [Zachrisson, 1997, карта на с. 139]), и то, что для области саамо-скандинавских контактов был характерен «культурный симбиоз» [Kusmenko, 2008 (2010), s. 218] (см. также: [Zachrisson, 2004; 2010]) и «отнодью не незначительная степень культурной креолизации» [Hansen, Olsen, 2004, s. 107]. Таким образом, и древнезападноскандинавская литература, и археологические данные, говорящие о культурном симбиозе саамов и скандинавов в областях Центральной Норвегии и Швеции, свидетельствуют о том, что не было никаких социолингвистических препятствий для проникновения продуктов саамской интерференции в собственно скандинавские ареалы.

Однако в книге остались незатронутыми два вопроса: вопрос о малочисленности саамов и вопрос о том, насколько современные генетические исследования могут подтвердить идею о саамо-скандинавских контактах. В статье я хотел бы остановиться именно на этих вопросах.

В современной Норвегии сейчас только 1 % населения составляют саамы (50 000 из 5 000 000), а в Швеции их процент еще меньше (0,4 %) (20 000 из 10 000 000). Причем только примерно половина

всех шведских и норвежских саамов знает саамский язык. Поэтому вопрос о том, каким образом язык такой малочисленной группы населения мог повлиять на язык пассионарных викингов и их потомков кажется вполне правомерным. Рассмотрим вначале данные популяционной генетики. Как известно, различают хромосомные гаплогруппы (Y-DNA), которые передаются по мужской линии (от отца к сыну) и митохондриальные гаплогруппы (mtDNA), которые наследуются по женской линии (от матери к дочери). Для современных саамов характерны три основные хромосомные гаплогруппы — это самая частотная гаплогруппа N1с (45–50 %), которая характерна и для других народов, говорящих на финно-угорских языках (80 % у удмуртов, 70,9 % у финнов в Восточной Финляндии и 41,3 % у финнов в Западной Финляндии, 40 % у эстонцев), и для народов, находившихся в контакте с финно-угорскими народами (у литовцев и латышей около 40 %, в Северной России более 30 %) [Tambets et al., 2004; Lappalainen et al., 2008; 2009]. Вторая по частотности гаплогруппа саамов — это I1 (31,4 %), характерная для германоязычных народов (процент этой гаплогруппы у шведов — 41,9 %, у норвежцев — 37,9 %, у датчан — 32,5 %, у немцев в Северной Германии — 27,7 %, у фризов — 29,0 %, у голландцев — 22,6 %) [Tambets et al., 2004; Rootsi et al., 2005; Karlsson et al., 2006; Dupuy et al., 2006]. Третья по частотности саамская хромосомная гаплогруппа — это R1а (13–20 %), которая характерна для восточных индоевропейцев (балтов и славян: 56,6 % у поляков, 41 % у латышей и 38 % у литовцев) и для части германоязычных народов (около 25 % у шведов, норвежцев и восточных немцев) [Dupuy et al., 2006; Semino et al., 2000].

Считается, что основу генетического пула саамов составляет «исконная» финно-угорская гаплогруппа N1с, которую предки саамов и финнов принесли из района финно-угорской прародины в Восточной Европе или Западной Азии. Наличие у саамов значительной доли гаплогруппы I1 определяется саамо-скандинавскими контактами, а наличие гаплогруппы R1а — балто-, славо- или скандинаво-саамскими контактами. Соответственно, именно распространение хромосомной гаплогруппы N1с у скандинавоязычных народов должно свидетельствовать о саамо- и финно-скандинавских контактах. Процент носителей этой гаплогруппы в скандинавских провинциях не идет ни в какое сравнение с процентом

саамского и финского (квенского) населения в Швеции и Норвегии. В Швеции в целом доля N1с составляет 11 %. Причем наибольший процент носителей N1с характерен для шведской провинции Вестерботтен (37 %), значителен он и в более южных провинциях Швеции (в Сёдерманланде — 15,4 %, в Упланде и Вестманланде он превышает 12 %) [Lappalainen et al., 2008; 2009]. В Норвегии в целом всего 4 % мужского населения имеют гаплогруппу N1с. В юго-западных областях Норвегии ее вообще не обнаруживают, тогда как в норвежском Финмаркене доля носителей гаплогруппы N1с составляет 18,6 %, сравнительно высока она и во внутренних областях Центральной Норвегии — 10–15 % (прежде всего во внутреннем Трёнделаге) [Dupuy et al., 2006]. Напомним, что речь в данном случае идет о проценте хромосомной гаплогруппы, т. е. о тех случаях, когда мы устанавливаем скандинавских потомков саамских мужчин, а не саамских женщин.

Древнеисландская литература и саамские источники гораздо чаще рассказывают нам о том, что скандинавские мужчины брали в жены саамских женщин (ср., в частности, рассказ о саамской жене Харальда Прекрасноволосого). Об этом же свидетельствует и большой процент характерной для скандинавов хромосомной гаплогруппы I1 у саамов (см. выше). Что касается гаплогрупп потомков саамских женщин, то, несмотря на то что в Европе различия в митохондриальных гаплогруппах в гораздо меньшей степени, чем различия в хромосомных гаплогруппах, могут быть связаны с этническими различиями (см., напр., равномерное распространение самой частотной в Европе гаплогруппы H [Achilli et al., 2004]), можно увидеть, что скандинавские саамы значительно отличаются от остального населения Европы. Это отличие в первую очередь связано с высокой частотностью гаплогрупп U5 и V. У норвежских саамов частотность U5 (в первую очередь U5b1) составляет 56,8 %, а частотность V — 33,1 %. У шведских северных саамов частотность U5 — 33,5 %, а частотность V — 58,6 %, у шведских южных саамов U5 — 23,95 %, V — 37 % [Ingman, Gyllensten, 2006; Weinstock, 2010]. Считается, что именно саамы сохранили лучше всех в Европе митохондриальные гаплогруппы охотников и собирателей верхнего палеолита и мезолита U5 и V [Torroni et al., 1998]. Генетическое исследование останков показало, что у носителей ямочно-гребенчатой керамики, которую часто связывают

с финно-уграми, довольно частотны гаплогруппы U5 и V [Malmström et al., 2010].

Если мы обратимся к митохондриальным гаплогруппам скандинавоязычного населения, то обнаружим и здесь значительный процент гаплогруппы U5. Доля гаплогруппы U5 в северной и центральной Скандинавии доходит до 30 % и соответствует проценту U5 в Северо-Западной России и Прибалтике, т. е. в областях со значительным процентом «финно-угорской» хромосомной гаплогруппы N1с. Что касается саамской митохондриальной гаплогруппы V, то, несмотря на то что ее процент у шведов и норвежцев не превышает 7 %, в некоторых районах Южной (!) Швеции Киттлес с соавторами отмечают ее необычайно высокий процент (до 40 %) [Kittles et al., 1999] (см. также: [Erlingsson, 2005]). В Южной Швеции отмечают и большой процент U5 (36 %), причем доля U5b1, одной из двух наиболее характерной для саамов гаплогрупп, составляет в Сконе 29 %. Однако даже если мы оставим южно-шведскую генетическую загадку неразрешенной, мы можем отметить, что сравнение процентного соотношения митохондриальных гаплогрупп, характерных для саамов, с процентным соотношением скандинавских (в первую очередь шведских и норвежских гаплогрупп) говорит о значительном влиянии саамского митохондриального генетического пула на скандинавский. Конечно, абсолютное преобладание исследований по современной популяционной генетике над очень малочисленными исследованиями по археогенетике (см., напр.: [Malmström et al., 2010]) и статистическая недостоверность последних не позволяют нам определить, к какому именно времени относятся генетические связи саамов (и квенов) со скандинавами. Обращение к гаплогруппам современного населения Скандинавии, которое очевидно свидетельствует о саамо-скандинавских и квенно-скандинавских контактах и о масштабах этих контактов, не говорит нам о том, имеем ли мы дело с контактами эпохи появления в Скандинавии ямочно-гребенчатой керамики (4000–2000 гг. до н. э.), или с контактами общескандинавской эпохи (VI–XII вв.), или с более поздними контактами. Очевидно, что контакты, начавшись в эпоху ямочно-гребенчатой керамики, продолжались и в более позднее время. О связях в общескандинавскую эпоху у нас уже есть сведения из древнезападноскандинавской литературы, и именно они наиболее полно отразились в общескандинавском языке.

Рассмотрим теперь абсолютные цифры соотношения саамского и скандинавского населения в тот период, когда можно более или менее достоверно установить численность населения Швеции и Норвегии. Норвежские демографы полагают, что население Норвегии в начале XIV в. составляло около 350 000 человек, причем основная часть населения была в Юго-Западной и Южной Норвегии. В Северной и Центральной Норвегии, т. е. в тех районах, где можно предположить саамо-скандинавский контакт и культурный симбиоз, жило всего 70 000 человек (т. е. около 20 %, 15 % — в Центральной Норвегии и 5 % — в Северной Норвегии) [Benedictow, 2003, s. 174]. Считается, что население тогдашней Швеции без ставших только в XVII в. шведскими провинций (Бухюслэн, Емтланд, Хэрьедален, Сконе, Блекинге и Халланд) составляло около 700 000 человек [Myrdal, 2010, s. 40], а считая и эти провинции, оно составляло 1,1 млн человек [Harrison, 2013].

В середине 1349–1350 г. до Скандинавии дошла эпидемия чумы (норв. *svartedauden* ‘черная смерть’, шв. *digerdöden* ‘большая смерть’, букв. «толстая смерть»), которая привела к значительному сокращению населения. Обращение к новым данным, прежде всего к местным архивам, и учет самых разнообразных источников показали, что потери населения в Скандинавии были гораздо более значительными, чем это представлялось раньше (см. название статьи известного шведского демографа профессора Харрисона в популярном шведском журнале «Наука и прогресс» (*Forskning & Framsteg*, 2013 № 1) «Хуже, чем ожидали исследователи. Черная смерть» [Harrison, 2013])². Сопоставив все типы данных, демографы пришли к выводу, что более половины населения Скандинавии стала жертвой «черной смерти». По подсчетам норвежского историка Бенедиктова, в Норвегии около 220 000 человек умерли от чумы. Таким образом, чума сократила население Норвегии до 130 000 человек. Устведт считает даже, что 2/3 населения Норвегии стали жертвой «черной смерти» [Ustvedt, 1985, s. 129].

Чума продвигалась прежде всего по морю, захватывая в первую очередь города. Именно наиболее густо населенные Юго-Западная

² Почти так же (*Svartedauden. Enda verre enn antatt* — «Черная смерть. Еще хуже, чем предполагали») называется обзор Х. Осторпа нового издания книги Бенедиктова (см. выше) в норвежском интернет-журнале *forskning.no* [Aastorp, 2008].

и Южная Норвегия больше всего пострадали от чумы. Считается, что население Северной и Центральной Норвегии было затронуто чумой в гораздо меньшей степени (см. карту в: [Carpentier, 1962]). Граница чумы в Норвегии проходила по Трёнделагу. Северный Трёнделаг и Внутренний Трёнделаг (где как раз и можно предположить норвежско-южносаамский контакт) были затронуты чумой гораздо в меньшей степени, чем остальная Норвегия [Ustvedt, 1985; Benediktow, 2003]. Отмечается, что многие области Северного Трёнделага, Тронхеймский фьорд, Бейстадский фьорд и Сносаватнет и Внутренний Трёнделаг вообще не были затронуты чумой [Ustvedt, 1985, Benediktow, 2003, s. 85]. Напомним, что именно эти области считаются центром распространения баланса гласных, метафонии и удлинения согласных, которые объясняются саамской интерференцией.

Что касается смертности в результате чумы в Швеции, то шведские демографы полагают, что несколько следующих друг за другом эпидемий чумы (самые страшные в 1350, 1359–1360 и в 1368–1369 гг.) сократили население Швеции за 20 лет наполовину [Myrdal, 2003, s. 243; Harrison, 2002, s. 71–73, 129–130, 420]. В некоторых областях, судя и по прямым (записи о смерти в церковных книгах, количество могил), и по косвенным свидетельствам (уменьшение количества писем, сокращение количества хозяйств, сокращение налоговых сборов, увеличение количества завещаний и дарственных), и по данным письменных свидетельств, потери были гораздо большими (см., например, процент брошенных хозяйств в Вэрmlandе (74 %) и в Нэрке (68 %) в середине XIV в. [Myrdal, 2003, s. 170]). В Швеции прослеживается продвижение чумы и с запада на восток (из Норвегии) и с юга на север (из Дании и из ганзейских портов). Так же как и в Норвегии, в Швеции северные и центральные провинции в гораздо меньшей степени испытали опустошающее воздействие чумы. Уже в Уппланде наблюдают меньшее влияние чумы, чем в более южных областях (в частности, здесь процент брошенных хозяйств меньше, чем в более южных областях [Myrdal, 2003, s. 187]). Наоборот, на Севере Швеции можно наблюдать увеличение населения (см., например, увеличение населения в шведском Норрланде [Myrdal, 2003, s. 197]), что, возможно, связано с тем, что люди бежали от чумы в более безопасные области.

Число саамов в Средние века в Норвегии определяется норвежским историком и демографом Бенедиктовым в одной из работ в несколько тысяч [Benedictow, 1996, p. 155], а в другой работе он называет цифру 3000 [Benedictow, 2003, s. 89]. Мне не удалось найти соответствующую цифру для Швеции, но, судя по всему, число шведских саамов было сопоставимо, а судя по генетическим данным, даже превышало число норвежских саамов. После эпидемии чумы процентное соотношение населения между различными районами Норвегии и Швеции изменилось. Юго-Западная Норвегия и Южная Швеция (примерно до Стокгольма, включая Стокгольм) потеряли в процентном отношении гораздо больше населения, чем северные и центральные районы. В Юго-Западной Норвегии осталось всего 60 000 населения, а в Центральной и Северной Норвегии, которая была в гораздо в меньшей степени затронута чумой, можно предположить сохранение населения (60 000–70 000). Таким образом, саамское население и население, которое контактировало с саамами, составляло после чумы половину населения Норвегии. Соответственно, такая же картина была характерна и для Швеции. Причем саамо-шведский языковой контакт выражался не только в том, что многие саамы становились двуязычными и в конечном счете меняли язык (см. генетические данные), но и скандинавы становились двуязычными. Хёгстрём пишет в XVIII в. о том, что в районе Лулео не только большая часть саамов знала шведский язык, но и «большая часть шведов знала саамский язык» [Högström, 1747 (1980), s. 77]. В Северной Швеции еще в начале XX в. были шведы, знающие саамский язык [Wallström, 1943, s. 21].

Таким образом, данные популяционной генетики и демографические данные, свидетельствующие об изменении соотношения численности населения в Норвегии и Швеции после «черной смерти», подтверждают предположение о возможности распространения продуктов саамской интерференции, таких как появление сложных предлогов, удлинение кратких согласных, баланс гласных, метафония и отпадение *-t* в безударном слоге, в северо-восточном скандинавском ареале в XIV–XV вв. Что касается соответствующих предпосылок для распространения продуктов саамской интерференции в общескандинавский период (суффиксация *-inn*, *-s(t)*, *-at*, *-ki/-gi*, отпадение приставок, преаспирация, назальная

ассимиляция, «затверждение» согласных), то в данном случае, кроме сведений об отсутствии стигматизации саамов, у нас остаются фактически только данные популяционной генетики. Однако не исключено, что в период VI–VIII вв. происходило перераспределение населения Скандинавии, вызванное эпидемией чумы, предшествовавшей «черной смерти».

Пандемия чумы, предшествовавшая «черной смерти», так называемая юстинианская чума³, распространившаяся из Константинополя по всей Европе, разразилась в 541–545 гг. За первой волной пандемии последовали следующие, и считается, что в результате 18 волн эпидемий юстинианской чумы за двести лет (с 541 по 750 г.) Европа потеряла от 25 до 50 % населения [Stathakopoulos, 2007, p. 105, 114–117]. Причем в Константинополе только за первую волну юстинианской чумы умерло 244 000 человек из 508 000 [Stathakopoulos, 2007, p. 114]. Юстинианская чума затронула не только Византию. Она быстро достигла Испании, Италии и Галлии, распространилась вниз по Рейну и перебралась на Британские острова, сначала в Ирландию, а потом и в Англию, где особенно опустошительными считаются волны чумы 664–666 и 684–687 гг. [Maddicott, 2007, p. 176]. Поскольку сведения о юстинианской чуме в Центральной Европе и в Англии мы получаем только от христианских авторов (Григорий Турский, Павел Дьякон, Беда и др.), то, естественно, у нас нет никаких данных о распространении юстинианской чумы в Скандинавии, остававшейся языческой и лежавшей на европейской периферии. Однако, зная о продолжавшихся контактах англо-саксов и ютов со своей континентальной прародиной и о контактах нижних франков, саксов и англо-саксов со скандинавами в этот период⁴, мы можем предположить, что Скандинавия вряд ли осталась незатронутой пандемией. Чума

³ Название «юстинианская чума» пандемия получила по имени византийского императора Юстиниана (482–565), во время правления которого и разразилась эпидемия и который сам переболел чумой.

⁴ Во многих исландских сагах и в «Саге об Инглингах» Снорри Стурлусона рассказывается о конунге Иваре Широкие Объятия, который подчинил себе не только всю Швецию и Данию, но и страну саксов и пятую часть Англии (ср.: *Ynglingasaga* 41). Биргер Нерман считал, что Ивар жил в VII в. [Nerman, 1948, s. 90]. Именно к этому периоду относится время наиболее тесных контактов скандинавов с англо-саксами и саксами [Nerman, 1948; Åberg, 1948] и пик пандемии юстинианской чумы в Северной Европе.

могла распространиться в VI–VIII вв. тем же путем, что и «черная смерть» XIV в., т. е. с запада из Англии и с юга из Германии.

Можно предположить, что и эта пандемия в меньшей степени затронула редконаселенные центральные и северные районы Скандинавии и, соответственно, сокращение населения в большей степени произошло в южных и юго-западных районах Скандинавии. В результате этого после юстинианской чумы соотношение саамского и находящегося с саамами в контакте скандинавского населения и остального населения Скандинавии резко изменилось. Конечно, трудно сказать, насколько юстинианская чума предопределила изменения в структуре населения Скандинавии, что могло способствовать распространению черт саамской интерференции, поскольку у нас нет прямых указаний на распространение юстинианской чумы в Скандинавии. Однако контакты скандинавов с англами, саксами и франками в VI–VIII вв. и сравнение юстинианской чумы VI–VIII вв. с «черной смертью» XIV–XV вв. свидетельствуют о том, что вряд ли продуктивно вообще не учитывать эту возможность.

Таким образом, вероятность распространения продуктов саамского влияния и интерференции в скандинавских языках подтверждается не только отсутствием стигматизации саамов, но и генетическими исследованиями норвежцев и шведов, свидетельствующими о распространении саамской хромосомной гаплогруппы N1c и особенно митохондриальной гаплогруппы U5 среди скандинавов. Изменение соотношения численности населения Скандинавии, связанное с эпидемиями чумы, которые в гораздо большей степени затронули Южную и Юго-Западную, чем Центральную и Северную Скандинавию, также может говорить о возможности распространения продуктов скандинавской интерференции с севера на юг. Причем вряд ли случайно, что две волны распространения саамской интерференции в скандинавских языках (общескандинавские инновации VI–XI вв. и северо-восточные шведско-норвежские инновации XIV–XV вв.) совпадают по времени с двумя волнами пандемии чумы — с юстинианской чумой VI–VIII вв. и «черной смертью» XIV–XV вв.

ЛИТЕРАТУРА

- Achilli A. et al. The Molecular Dissection of mtDNA Haplogroup H Confirms that the Franco-Cantabrian Glacial Refuge Was a Major Source for the European Gene Pool. *American Journal of Genetics*, 2004, vol. 75, pp. 910–918.
- Aastorp H. *Svartedauden. Enda verre enn antatt*. Available at: <http://forskning.no/bakterier-pest-historie-stub/2008/02/svartedauden-enda-verre-enn-antatt>
- Benedictow O. J. The demography of the Viking Age and the High Middle Ages in the Nordic countries. *Scandinavian Journal of History*, 1996, vol. 21, no. 1, pp. 151–182.
- Benediktow O. J. *Svarte dauen og senere pestepidemier i Norge*. Oslo, Universitetsforlaget, 2003. 368 p.
- Bull T., Kusmenko Ju. Der samische Einfluss auf die skandinavischen Sprachen. *Mål og minne*, 2010, no. 2, pp. 156–186.
- Carpentier E. *Une ville devant la peste*. Paris, S. E. V. P. E. N., 1962. 284 p.
- Dupuy B. M. et al. Geographical heterogeneity of Y-Chromosomal lineages in Norway. *Forensic Science International*, 2006, vol. 164, issue 1. Available at: <http://vetinary.sitesled.com/norway.pdf>
- Erlingsson U. *Européernas DNA från en geografisk perspektiv i 40.000 år omblandning*. 2005. Available at: http://Europeernas_DNA.php
- Hansen A. M. *Oldtidens nordmænd. Ophav og bosætning*. Kristiania, Cammermeyer, 1907. 140 p.
- Hansen L., Olsen B. *Samenes historie fram til 1750*. 2. opl. Oslo, Cappelen, 2004.
- Harrison D. *Stora döden: den värsta katastrof som drabbat Europa*. Stockholm, Ordfront, 2002. 480 p.
- Harrison D. Värre än forskarna anat: Digerdöden. *Forskning & Framsteg*, 2013, no. 1. Available at: fof.se/tidning/2013/1/artikel/varre-forskarna-anat-digerdoden
- Högström P. *Beskrifning öfwer de til Sweriges Krona lydande Lapmarker, innehollande kort underrättelse så wäl om landets belägenhet och beskaffenhet i gemen, som dess invånares tilstånd och husholdning, deras seder, maner och lefnadsart, samt laster och widskepelse, m. m.* Stockholm. 1747 (Reprint, Umeå, Två bokförläggare bokförlag, 1980. Utg. I. Ruong. 271 p.)
- Ingman M., Gyllensten U. A recent genetic link between Sami and the Volga-Ural region of Russia. *European Journal of Human Genetics*, 2007, vol. 15, pp. 115–120.
- Karlsson A. O. et al. Y-chromosome diversity in Sweden — a long time perspective. *European Journal of Human Genetics*, 2006, vol. 14, pp. 963–970.
- Kittles R. A. et al. Autosomal, mitochondrial and Y-chromosome DNA variation in Finland: evidence for male-specific bottenleck. *American Journal of Physical Anthropology*, 1999, vol. 108, issue 4, pp. 381–399.
- Kusmenko Ju. Samische Interferenzmerkmale in den skandinavischen Sprachen. *Studies in Eurolinguistics*. Vol. 5. Language Contact and Minority Languages on

- the Littorals of Europe. Eds Sture Ureland, Anthonz Lodge and Stefan Pugh. Berlin, Logos, 2007, pp. 303–328.
- Kusmenko Ju. *Der samische Einfluss auf die skandinavischen Sprachen. Ein Beitrag zur skandinavischen Sprachgeschichte*. Berlin, 2008. Berliner Beiträge zur Skandinavistik 10. Nordeuropa-Institut der Humboldt-Universität. 462 p.
- Kusmenko Ju. The Sámi and Scandinavians in the Viking Age. *Approaching the Viking Age*. Eds E. Sausverde, I. Steponaviciute. Vilnius, Vilnius University Press, 2009, pp. 65–93.
- Kusmenko Ju. Har ett samiskt inflytande på nordiska språk varit möjligt? *Samer som "de andra", samer om de andra: identitet och etnicitet i nordiska kulturmöten*. Eds E. Mundal, H. Rydving. Umeå, Umeå Universitet, 2010. (Samiska studier 6), pp. 48–67.
- Lappalainen P. et al. Migration waves to the Baltic Sea region. *Annals of Human Genetics*, 2008, vol. 72, no. 3, pp. 337–348.
- Lappalainen P. et al. Population structure in contemporary Sweden. A Y-chromosomal and mitochondrial DNA analysis. *Annals of Human Genetics*, 2009, vol. 73, issue 1, pp. 61–73.
- Maddicott J. Plague in Seventh-Century England. *Plague and the End of Antiquity. The Pandemic of 541–750*. Ed. by L. K. Little. New York et al., Cambridge University Press, 2007, pp. 171–214.
- Malmström H. et al. Ancient DNA reveals lack of continuity between Neolithic hunter-gatherers and contemporary Scandinavians. *Current Biology*, 2009, doi:10.1016/j.cub.209.09.017.
- Mundal E. The perception of the Samis and their religion in Old Norse sources. *Shamanism and Northern Ecology*. (= Religion and society; 36). Ed. by J. Pentikäinen. Berlin, New York, De Gruyter, 1996, pp. 97–116.
- Mundal E. Coexistence of Sami and Norse culture — reflected in and interpreted by Old Norse myths. *Old Norse Myths, Literature and Society*. Eds G. Barnes, M. Clunies-Ross. Sydney, University of Sydney, 2000, pp. 346–355.
- Mundal E. Kontakt mellom nordisk og samisk kultur reflektert i norrøne mytar og religion. *The Sámi and the Scandinavians. Aspects of 2000 years of contact*. (= Schriften zur Kulturwissenschaft 55). Ed. by Ju. Kusmenko. Hamburg, Dr. Kovač, 2004, pp. 41–53.
- Mundal E. Forholdet mellom samer og nordmenn i norrøne kjelder. *Samer som "de andra", samer om "de andra". Identitet och etnicitet i nordiska kulturmöten*. Eds E. Mundal, H. Rydving. Umeå, Umeå Universitet, 2010 (Samiska studier 6), pp. 135–144.
- Myrdal J. *Digerdöden, pestvågor och ödeläggelse. Ett perspektiv på senmedeltidens Sverige*. Stockholm, Runica et Mediaevalia, Cetrum för medeltidsstudier vid Stockholms universitet, 2003. 269 p.
- Nerman B. Sutton Hoo — en svensk kunga- eller hövdingagrav. *Fornvännen*, 1948, Bd 43, pp. 65–93.

- Noreen A. De nordiska fäderneslandens namn. *A. Noreen, Spridda studier. 2.* Uppl. Stockholm, Ljus Förlag, 1911, pp. 142–154.
- Roots S. et al. Phylogeography of Y-chromosome Haplogroup I reveals distinct domains of prehistoric gene flow in Europe. *American Journal of Human Genetics*, 2005, vol. 75 (issue 1), pp. 128–137.
- Roots S. et al. A counter-clockwise northern route of the Y-Chromosome haplogroup N from Southeast Asia towards Europe. *European Journal of Human Genetics*, 2007, vol. 15, pp. 204–211.
- Schulte M., Kusmenko Ju. Der samische Einfluss auf die skandinavischen Sprachen. *NOWELE*, 2009, vol. 37, pp. 163–176.
- Semino O. et al. The genetic legacy of palaeolithic Homo Sapiens in extant Europeans: A Y-chromosome perspective. *Science*, 2000, vol. 290, pp. 1155–1159.
- Stathakopoulos D. Crime and Punishment. The Plague in the Byzantine Empire 541–749. *Plague and the End of Antiquity. The Pandemic of 541–750.* Ed. by L. K. Little. New York et al., Cambridge University Press, 2007, pp. 99–118.
- Tambets K. et al. Western and eastern roots of the Saami — the story of genetic outliers told by mitochondrial DNA and Y-chromosomes. *American Journal of Human Genetics*, vol. 2004, no. 4, pp. 661–682.
- Torroni A. et al. mtDNA analysis reveals a major late paleolithic population expansion from south-western to north-eastern Europe. *American Journal of Human Genetics*, 1998, vol. 62, issue 5, pp. 1137–1152.
- Ustvedt Y. *Svartedauen: en litterær-historisk beretning om massedød og overlevelse.* Oslo, Gyldendal Norsk Forlag, 1985. 236 p.
- Wallström S. *Studier i Övre Norrlands språkgeografi med utgångspunkt från Arjeplogmålet.* Uppsala, Almqvist & Wiksell, 1943. 162 p.
- Weinstock J. Thoughts about Saami Prehistory. *Samer som "de andra", samer om "de andra". Identitet och etnicitet I nordiska kulturmöten.* Eds E. Mundal, H. Rydving. (Samiska studier 6). Umeå, Umeå Universitet, 2010, pp. 31–46.
- Zachrisson I. *Möten i gränsland. Samer och germaner i Mellanskandinavien.* Stockholm, Statens Historiska Museum, 1997. 271 p.
- Zachrisson I. Samisk-nordiska kulturkontakter i Mellanskandinavien under 600–700-talen e. Kr. (vendeltid) — utifrån det arkeologiska materialet. *The Sámi and the Scandinavians. Aspect of 2000 years of contact.* Ed. by Ju. Kusmenko. Hamburg, Dr. Kovač, 2004, pp. 9–16.
- Zachrisson I. Samisk-nordiska kontakter under järnåldern — i dräkt och personliga tillhörigheter. *Samer som "de andra", samer om "de andra". Identitet och etnicitet i nordiska kulturmöten.* Eds E. Mundal, H. Rydving. (Samiska studier 6). Umeå, Umeå Universitet, 2010, pp. 107–122.
- Åberg N. Vendeltida förbindelser med festlandgermanska och insulära kretsar. *Fornvännen*, bd 43, 1948, pp. 111–122.

Кузьменко Юрий Константинович

доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН.
Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург,
Тучков переулок, 9
E-mail: jk7559873@gmail.com

Yury Kuzmenko (Jurij Kusmenko)

Doctor in Philology, Professor,
Chief Researcher of the Institute for
Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences.
9, Tuchkov pereulok, St. Petersburg, 199053, Russia
E-mail: jk7559873@gmail.com

Статья поступила в редакцию 05.04.16, принята к публикации 30.05.16